

ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА

И ПРОЧИЕ
НЕПРИЯТНОСТИ



МАЛЬВИНА
ГАЙВОРОНСКАЯ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИ∞



[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)



ЦИКЛ «ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА»

I. ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА
И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

II. ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА
И ТАК СЕБЕ КАНИКУЛЫ

Red Violet. Больше чем магия

МАЛЬВИНА
ГАЙВОРОНСКАЯ

ОДАРЕННАЯ
ДЕВУШКА

И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Москва
МИФ
2024

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)



ПРОЛОГ

— Я правильно понимаю, что сейчас мы выпинаем нашего ребенка в жизнь, сами сваливаем в закат, да еще и говорим, что это для ее же блага?

— В педагогике это называется принципом невмешательства.

— То есть да?

— То есть да.

*Из протокола семейного
совета Добротворских*

Все началось утром.

Конечно, пытливый читатель сразу же бросится оспаривать эту фразу. Точно ли утром, а не поздней ночью? Именно этим, а не предыдущим? Где та точка, после которой с чистым сердцем можно сказать: всё, началось? Придется принимать напыщенный вид и шикать на каждого, кто задает неудобные вопросы. Прямо как в школе.

Будем честны — пытливые читатели правы, и ночка выдалась далеко не из легких. Но именно поэтому выбор и пал на утро: четкой границей оно разделило жизнь на до и после, хоть и казалось поначалу совершенно обычным, а в чем-то даже шаблонным.

К примеру, таковым его делали те самые косые лучи утреннего солнца, столь часто гостящие в прозе начинающих писателей. Пытливо и тщательно, словно моющий тарелки

перфекционист, заливали они утренний город. Скользили по паркам, слепили глаза, с недовольством огибали дома с плотными шторами и тонированными стеклами.

Зато небольшой скверик в центре Москвы в них буквально купался, а потому они засвидетельствовали, как крупный мужчина откровенно бандитской наружности уселся на скамью, заразительно потянувшись, достал из небольшого черного чемоданчика книжку сказок Андерсена и начал читать. Через двадцать минут недоуменно оглянулся, потом уставился на книгу в руках. Пролистав, выбросил в урну и легким шагом, прихватив чемоданчик, вошел в небольшой офис в здании старого особняка по соседству.

Ровно через восемь минут и тридцать шесть секунд он выскочил оттуда, преследуемый большим количеством серьезных мужчин в штатском. Быстро выхватил из мусорки книгу и устремился в другой конец парка, вполне бодро перепрыгивая через скамейки под ворчливое курлыканье голубей.

Однако далеко не все любят солнце, и сквозь тонированные стекла пентхауса его лучи проникнуть не могли. Бонусом такого жилища выступал восхитительный вид на проснувшийся город и то, как его улочки медленно заполняются снующими машинами. С высоты восьмидесятого этажа они казались крошечными муравьями, спешащими по непонятным для людей делам, и парнишка азиатской наружности как замороженный смотрел на эту пляску.

Сон был ему неведом. Дело не только в том, что так говорил папа, — и вправду, сколько он себя помнил, спать не хотелось. Но папа говорил, что и чувства ему незнакомы. Однако сейчас он определенно ощущал восторг,

глядя на город, с его стучащим в такт любимой песне ритмом.

В наушниках на все лады надрывался заморский певец, словно поставил себе целью спеть про всю-всю-всю любовь на земле. Робкая или страстная, первая или очередная — у него были готовы песни про все, только включи. Парень уже две недели крутил один и тот же альбом, и, к собственному стыду, ему все больше нравилось.

Другие пели не так. Наверное, даже завывая японец об убийстве маленьких милых зверушек, ничего бы не изменилось. Голос, как и картинка за окном, гипнотизировал, вводил в транс, заряжал энергией. Чем больше он слушал, тем сильнее крепло чувство, что он обязательно изменит мир. Парень буквально прилип к стеклу, прижавшись носом, лишь бы видеть абсолютно все, что происходит внизу, а музыка, звучащая в ушах, казалось, стучит в каждой его клетке и задает тон душе. Ну и как тут убедить самого себя, что ты бесчувственный?

Взрослые на ерунду вроде самоанализа время не тратят, ведь каждая секунда — деньги, а секунда промедления дороже вдвойне. Всего за пару дверей от парнишки работал серьезный банкир. Он рушил империи еще до завтрака и с нетерпением посматривал на часы: кафе открывалось в десять. Сегодня он снова не сможет туда заглянуть, и хоть и знал это, все равно следил за временем. Часы работы порождали удивительную иллюзию близости, словно знание того, где можно встретиться, давало какую-то власть над ней. Он мог все на свете. И был бессилен переучить ее говорить о кофе в среднем роде.

По телику в это время шла обычная утренняя мутотень. В Тьмутаракани все плохо, но они написали Кому Надо,

он неодобрительно пошевелил бровями — и все стало хорошо. Америка загнивала, Европа разлагалась, Восток трясло — типичное утро москвича. В деревне надоили шесть литров молока. Мы все умрем. А теперь погода.

Смуглая девушка лениво ковыряла хлопья. Вообще, она с большей охотой съела бы бутерброд, но суверен настоял на разнообразном меню, хоть и не представлял, что это такое. В его понимании перемежать хлопья бутербродами уже разнообразие. Диетологи пришли бы в ужас, но она не жаловалась и лишь уныло пялилась в телевизор.

Суверен опять врубил свою слащавую музыку, и все, что оставалось теперь, — ждать, пока наслушается. В этом внезапно проснувшемся фанатизме ей мерещилось что-то зловещее. Что, вероятно, совместный завтрак уже не так важен, как пара песен с утра. И это угнетало похлеще дурацких новостей.

Красавицу на другом конце города беспокоили вещи попроще. Сломанные каблуки у очередных туфель, которые покупались до конца жизни, а оказались на одну ночь. Оторванные пуговицы на блузке. Неподвластные штопке пропоротые джинсы. Слава богу, родительский бюджет позволял еженедельные шопинг-туры по бутикам, но репутация транжиры и кокетки шла к ним бесплатным приложением. Не будешь же каждой встречной консультантке объяснять, какие именно потусторонние твари пустили на мишуру твои прошлые покупки или в чьей именно пасти скончались те замечательные сапожки? Еще немного повздыхав над тяжелой судьбой гардероба, она наконец-то легла спать. Маман умилялась яркой ночной жизни дочери, а та, в свою очередь, хоть и любила подругу, но все-таки надеялась на чуть менее яркий, познавательный и смертельно опасный досуг.

Однако не только роскошные блондинки волновались тем утром за свой гардероб. На опушке забытого богами леса стояла неприметная избушка, в окно которой наглым котенком просилось солнце. В комнате хозяина словно взорвалась швейная фабрика. Пол, кровать, полки — все поверхности были буквально усыпаны его «неудачами» — неподошедшими предметами одежды. Жилеты и шейные платки, брюки и ремни ровным слоем покрывали пол, но главенствовали в композиции рубашки всех цветов и фасонов. Одна из них, очередная жертва высоких стандартов, сейчас с пристрастием изучалась в зеркале.

Фисташковая. Раньше он бы не раздумывая выбрал именно ее, ведь она так шла к его карамельным глазам и осенним волосам. Но сегодня он не был ни в чем уверен, а в голове стучало знаменитое «У вас не будет второго шанса произвести первое впечатление». Насколько такой цвет уместен? Не вышел ли из моды? Какой эффект произведет гармоничный образ? Быть может, подростки больше любят бунтарство и яркие цвета?

Белая? Слишком банально. Ни рыба ни мясо. Ничего примечательного, а это худшее, когда хочешь запомниться.

Кремовая? Она его немного молодила. Не создаст ли это иллюзию близости их возраста? Не помешает ли расставить акцент «взрослый — ребенок»?

Черная? Право, нет. Он не герой готического романа и уж тем более не наемный убийца.

Варианты с узорами также были отвергнуты: все они рушили с таким трудом подобранную композицию костюма, отвлекая от изначальной идеи акцента на солидной, но мягкой аристократичности.

Хорошо, фисташковая — правильный выбор. Но к такой рубашке совершенно не подходит мятный жилет.

Штурм гардероба продолжился, а шкодливые солнечные лучи понеслись дальше.

Правда, некоторые места даже они старательно огибали стороной. Мы бы тоже обошли их своим вниманием, если бы не правила хорошего тона. Давайте не будем особо приглядываться, но запомним, что место это не лучшее. Это Лес.

Бывают нормальные леса. В них нашли себе место разной степени приятности растения и живность, и в целом ничего зловещего они не несут. Но это Лес не из таких. В нем нет ветра и не светит солнце. Тьма беззвездной ночи прячется среди ветвей неестественно изломанных деревьев. Ночь с вниманием хищника следит за задорным, аппетитным солнечным лучиком, так маняще пляшущим за ее пределами. Она не может податься вперед. Пока не может. Но так было не всегда, и она ждет.

Ждал и стоявший на обочине федеральной трассы мотоциклист. Ждал и потихоньку закипал. Все происходящее слишком смахивало на дешевый развод сослуживцев, и он чувствовал себя последним идиотом, что повелся. Еще бóльшим идиотом он чувствовал себя потому, что уже который час не уезжал и смиренно надеялся на чудо.

Не первый год он гонялся за тайной организацией, в существование которой никто из коллег не верил. Это больше походило на хобби, поскольку в рабочее время он практически всегда сидел в штабе или разбирался в очередной пьяной драке оборотней. Три года такого хобби стали причиной нескольких нагоняев и выговора с занесением в личное дело, но привели всего к одному задержанному. Который, к слову, был совершенно бесполезен, поскольку еще при задержании перестал шевелиться и так

и не шелохнулся за все полтора года. Конечно же, эта одержимость в совокупности с чередой неудач породили лишь кучу насмешек от коллег. Все сокурсники уже подросли в званиях, и только он куковал все там же, в младших богатырях, все свободное время носясь по городу и проверяя каждый слух.

И тут внезапно кто-то пишет красной помадой на его зеркале дату, время, пару координат и бережно обводит сердечком старую газетную заметку о пропавшем отце. И никаких следов взлома. Помаду он исследовал вдоль и поперек — ну да, приятно, что для него не пожалели шанелевскую классику, да толку? Пожалуй, только цена помады и натолкнула на мысль, что это не шутка. Цена, ну и полная профнепригодность коллег — что-что, а аккуратно проникнуть к нему в дом они бы точно не сумели. На безопасности у параноидального Дмитрия был пунктик.

Но семь утра сменилось на восемь, восемь — на девять, машины размеренно проезжали мимо, парень кормил комаров, и ничего не менялось. Он принял волевое решение подождать еще полчаса и уезжать. Потом принял такое же решение еще два раза.

Из меланхолии его вывел адский визг тормозов эффектно задрifteвавшего на соседней дороге «роллс-ройса». Машина встала поперек, перекрыв движение. Распахнулся багажник. Из него, прихватив небольшой рюкзак, выбралась девочка с двумя огромными, толстенными косами и припустила к мотоциклу, с трудом перелезая через двойное ограждение между трассами. «Роллс-ройс» уезжать не спешил. Издалека раздался мощный рев мотора, и на полосу буквально вылетел еще один мотоциклист. Женщина. Вся в черном. Девочка побежала быстрее, но все еще слишком медленно. Ноги, что ли, затекли в багажнике? Решив, что уж это-то точно его клиент, Дмитрий быстро застегнул

шлем и сдал назад. Даже пытаться не стал натянуть на такую прическу защиту, просто быстро усадил девочку, парой жестов показал, как держаться, и втопил газ. «Роллс-ройс» и черная мотоциклистка остались далеко позади. Дмитрий не имел ни малейшего понятия, кого и от чего он увозит, но знал самое важное: во-первых, куда. А во-вторых, что он получит взамен.

Знать ответы на эти вопросы хотел бы и слесарь из небольшого городка, вот только отвечать никто не спешил. Худо-бедно разменявший пятый десяток мужчина верил, что у него были все шансы стать достойным членом общества, но в какой-то момент он явно свернул не туда. Поворотов, конечно, было много, что уж спорить, но ретроспектива жизни под виски всегда вызывала стойкое ощущение, что вся трасса в целом вела под откос.

В детстве было гораздо проще. К примеру, открыл утром глаза, в окне голубое небо — и день по умолчанию становится хорошим. Взрослым гораздо сложнее. Открыл утром глаза — вообще ничего не видно. Очнись ты там же, где засыпал, — в гараже, под очередным краденым «меринном», — вопросов бы не было. Но ты явно сидишь, да еще и с мешком на голове. Руки-ноги пристегнуты к стулу, попытку незаметно проверить, крепко ли, проваливаешь — мешок тут же снимают, и бодрый мужской голос радостно интересуется:

— Итак, Игорь Октябрьевич, почему вы решили работать именно у нас?

Жмурясь от яркого света, пытаешься разглядеть пухлого усача с типичной располагающей улыбкой эйчара и смутно понимаешь, что тебя явно не через «Авито» нашли. Добро пожаловать на худшее собеседование в жизни.

Оглавление

Пролог	5
Глава 1. Проактивный рекрутинг	13
Глава 2. То — не знаю что, туда — не знаю куда	34
Глава 3. Молодой старьевщик	58
Глава 4. Утро добрым не бывает (но пытается)	82
Глава 5. Красавица и чудовище	103
Глава 6. А поговорить?	126
Глава 7. Ветер в волосах	152
Глава 8. Дела семейные	176
Глава 9. Отцы, их дети и не их дамы	198
Глава 10. Упорство и упоротость	222
Глава 11. Не было печали, да снизу постучали	243
Глава 12. Чем меньше женщину мы любим, тем дальше стоит отбежать	265

Глава 13. Крадущийся богатырь, затаившийся вампир	293
Глава 14. Тру-бро ор нот тру-бро: зат ис зе квешчен	317
Глава 15. Лухари из Бурятии	338
Глава 16. А что, если?..	361
Глава 17. Свой-чужой	385
Глава 18. Что сделано, то сделано	407
Глава 19. Сказки на ночь	431
Глава 20. О суженых, ряженных и подмороженных	455
Глава 21. Ребрендинг поневоле	481



[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

